

СВЯТЫЕ

Е. ФЕРЕНЦ

Sancti

Клара
Ассизская

Ева Ференц
Клара Ассизская

«Издательство Францисканцев»

Ференц Е.

Клара Ассизская / Е. Ференц — «Издательство Францисканцев»,

ISBN 978-5-89208-072-9

Предлагаемая вниманию читателя книга повествует о жизни святой Клары Ассизской (1193–1253), вместе со святым Франциском стоявшей у истоков великой францисканской семьи. Живой, доступный язык книги, свободная повествовательная манера делают образ святой более близким современному человеку и позволяют глубже понять дух Франциска и Клары, исполненный бедности, смирения и любви.

ISBN 978-5-89208-072-9

© Ференц Е.

© Издательство Францисканцев

Содержание

«Вот свет!»	6
«Твоё время ещё придёт!»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ева Ференц Клара Ассизская

Перевод с польского: *Юлия Ашина*

Редактор: *Татьяна Орёл*

Иллюстрации: *Дмитрий Миронов*

Оформление серии: *Иван Сердюков* Вёрстка: *Оксана Басий*

«Вот свет!»

«Что есть человек, когда он рождается? Начало истории мира, которая в каждом человеческом сердце совершается заново? Непостижимая сила, действующая постоянно, до самой смерти? И не важны судьбы, дороги жизни, а важно то, как мы сумеем в них найти себя», – размышляла Ортолана, стоя у окна палатки. Она смотрела на небо над Ассизи, освещённое светом луны, выглянувшей из-за туч. Руки её лежали на округлившемся животе, где пульсировала новая жизнь.

Она боялась родов. Какая беременная женщина не испытывает страха перед этим событием? Внизу, под окнами, громко завывала собака. Ортолана задрожала. Она вспомнила страдальшую от родовых мук служанку, которой она помогала произвести на свет сына. Это были ужасные минуты, но из-за мглы боли просвечивало безмерное счастье, ибо жизнь, которой дано начало, уже не имеет конца. Ортолана боялась рожать. Боялась, что, родив ребёнка, она сама лишится жизни. Ведь часто случается, что женщины умирают во время родов. И остаётся несчастный ребёнок, лишённый той необходимой любви, без которой невозможно нормально развиваться. Днём, ощущая в животе толчки детских ножек, она чувствовала, как душу её переполняет волна радости и тепла. Но сейчас это чувство прошло, как будто эту волну поглотило илистое чёрное дно, где вязнет сознание и блуждает воля. И мрак охватил мысли госпожи Ортоланы, к ней упорно возвращалась картина конца её мира, открывалась бездонная пропасть, пугающая, холодная и непреодолимая для материи.

Ортолана посмотрела на свои ладони, подняла руки и прижала их к лицу. Ладони были тёплые. Она протянула руки вперёд и сложила их так, как складывают, прося подаяние, нищие, а потом изо всех сил сжала руки в кулаки. «Боже, дай мне жить! – простонала она. – Позволь мне остаться с ребёнком, которого я рожу».

Её внезапно охватило желание молитвы, желание вознестись душой к возвышенному и светлomu, но такому близкому.

Она отошла от окна, поправила платок на плечах, и, придерживая его обеими руками на груди, тихо направилась к расположенной в палатке часовне.

Там, на алтаре, стояло большое распятие – Дерево Жизни – руки Распятого были как прямые ветви с набухшими бутонами. Ортолана подобрала складки платья и опустилась на колени на скамеечку для молитвы. Тяжёлый шёлк зашелестел, и на нём жемчужно засиял лунный свет, льющийся из окна. «Невозможно иначе быть более наедине с другой жизнью и невозможно более приблизиться к другой жизни», – подумала она, прислушиваясь к движениям ребёнка в её лоне.

Внезапно она разразилась давно сдерживаемыми рыданиями: «Боже! Я хочу жить! Позволь мне жить! Пошли мне счастливые роды! Отгони от меня страх перед тьмой! Ты, Который Сам – Свет, дай мне свет! Позволь мне ещё побыть здесь, на земле...» – произносила она прерывистым шёпотом сквозь рыдания, вырывая из себя мысли, словно тернии, ранившие её душу, пустившие в ней корни слишком глубоко, так что от них нелегко было избавиться.

Она стояла на коленях перед распятием и плакала, потому что чувствовала себя ничтожной песчинкой жизни в мире, настолько великом, что его невозможно охватить челове-

ским воображением, но одновременно её не покидало сознание величия её собственного мира, теперь омрачённого болью и страхом перед концом известного, перед смертью.

– Проясни мои мысли! – горячо шептала она.

Ребёнок в её лоне беспокойно шевельнулся. Она, не отрываясь, смотрела на распятие, залитое серебряным светом луны, понемногу успокаиваясь. И когда её сердце объяла тишина, она услышала ответ на свои мольбы, раздавшийся в её душе с силой и уверенностью, как звон колокола в вечерней тишине. «Не бойся, ты родишь свет. Он в тебе». Она задрожала, услышав эти неожиданные слова, внезапно преисполнившись их смысла.

Ещё раз склонившись перед распятием, она встала с колен и подошла к окну. По небу плыли тучи, закрывая таинственный свет луны.

Госпожа Ортолана родила девочку. Роды прошли благополучно.

– Вот Клара!¹ Вот свет! У моей дочери будет имя Клара, – повторяла она охрипшим от волнения и усталости голосом, когда повитуха свёртывала мокрые полотенца.

Слуги двигались проворно и почти бесшумно. Тихо журчала вода, шелестело полотно свежих, пахнущих ветром простыней. Дитя, несколько раз протяжно вскрикнув, умолкло. Девочка лежала возле матери, на её лице застыло разумное и усталое выражение. От всего её маленького тела веяло невинной беспомощностью, той слабостью, которая побеждает зло. Повитуха наклонилась над ложем и бережно взяла её, чтобы выкупать. Когда она погрузила в воду розовое тельце младенца, крик снова наполнил комнату. Ортолана приподнялась на локтях и, глядя на только что рождённое дитя, почувствовала, как сердце её переполняет любовь, как оно пылает счастьем столь великим, словно у неё в груди – горячее солнце.

Выкупанную девочку завернули в пелёнки и уложили в колыбель, выложенную овечьей шерстью. Над лобиком девочки золотились пушистые волосы. Они сияли ореолом на белизне простыней. Новорождённая спокойно уснула. Так она вошла в своё собственное человеческое начало мира.

В это время новость о новорождённой облетела палаццо и быстро понеслась дальше, достигнув дома на другой стороне площади Святого Руфина, где госпожа Гуэльфуччо с утра сидела у окна, ожидая этого известия. Сейчас, увидев цветной платочек, которым торжествующе махала одна из служанок в окне напротив, она захлопала в ладоши; подпрыгнув и закружившись в танце так, что разлетелся подол её зелёного шёлкового платья, она выбежала в сад, нараспев восклицая:

– Пачифика, дочка! Пойдём к госпоже Ортолане! Хочешь увидеть новорождённого младенца?

В небольшом садике на ухоженной зелёной лужайке, среди цветущих ромашек и шалфея, сидела маленькая девочка. Гладкая рыжая собачка прыгала ей на руки, цепляясь коготками за белое платье, и забавно хватала зубами льняные локоны девочки.

Госпожа Гуэльфуччо подошла к дочери и, наклонив к ней раздумавшееся лицо, сказала:

– Ты слышала новость, Пачифика? Пойдём со мной. Увидишь чудо!

Пачифика удивлённо и серьёзно посмотрела на мать. Она легонько оттолкнула собачку, встала и молча взяла мать за руку. Они пошли к калитке, ведущей на городскую площадь. Гравий на ухоженной дорожке тихо шуршал под ногами. Большой куст дикой розы, взбирающийся на стену возле калитки, оплел молодыми побегами отверстие выхода. Потревоженный побег розы качнулся и слегка задел руку Пачифики. Розовый, только что распустившийся бутон коснулся её шеи. Почувствовав тонкий аромат, Пачифика улыбнулась, протянула руку, сорвала цветок и сжала его в ладошке. На площади, залитой солнцем, воздух колебался над раскалён-

ными камнями мостовой. Царила обычная полуденная тишина, когда даже воробьи дремлют в тенистых выбоинах стен, а торговцы не заывают криками и жестами покупателей.

Только возле палаццо господина Фавароне было движение. Несколько всадников отправлялось в дорогу. Кони нетерпеливо били копытами, взмахивали хвостами и гривами, отгоняя назойливых мух. Слуги, придерживая уздечки, покрывали спины животных чепраками, прикрепляли к седлам бурдюки с водой и корзины с провиантом. Один из юношей, споткнувшись, уронил на землю кожаный бурдюк.

Вода забулькала, и на камнях расплзлось тёмное пятно.

Госпожа Гуэльфуччо и Пачифика вошли в ворота особняка. Звук их быстрых, лёгких шагов был подхвачен эхом в каменных стенах коридора. По широким ступенькам они поднялись на второй этаж, где в алькове, на широком ложе под балдахином лежала Ортолана. Госпожа Гуэльфуччо подошла к ней с выражением сердечной заботы и, наклонив своё румяное лицо над бледным лицом роженицы, поцеловала её.

Пачифика, стоя возле матери, едва взглянула на лежавшую женщину. Взгляд её, полный любопытства, был прикован к колыбели, стоявшей посередине комнаты. Она подошла ближе, встала на цыпочки, вероятно для того, чтобы казаться себе более высокой, более достойной чуда, и задрожала. Она увидела маленькое золотисто-розовое личико, дышавшее покоем и абсолютной беспомощностью. В этом зрелище была и лёгкость облака, плывущего по голубому небу, и красота цветов серебристой дикой розы, прижавшейся к каменной стене, и очарование рыжего щенка, барахтающегося в травах, ромашках и шалфее.

Когда она стояла неподвижно, поглощённая созерцанием только что рождённого человека, до алькова долетел топот множества конских копыт. Она обернулась и посмотрела в окно.

– Это гонцы поскакали с вестью о родах, – сказала повитуха.

– Пойдём, Ортолана должна отдохнуть, – сказала госпожа Гуэльфуччо дочери и хотела взять её за руку, но Пачифика внезапно подбежала к колыбели и быстро спрятала в пелёнках бледно-розовый цветок с появившимися в её ладони лепестками, издававший от этого ещё более сильный аромат.

«Твоё время ещё придёт!»

Прошло несколько лет. Клара стала красивой девочкой. С задумчивого личика на мир глядели глаза бездонной глубины. Окружённая заботами взрослых, она играла с ровесницами в просторных комнатах прекрасного ассизского палаццо. Ее длинные, красиво расчёсанные волосы ниспадали на плечи, блестя золотым дождём, или, искусно заплетённые, сверкали серебром жемчужных шёлковых ленточек. Широкие складки бархатных и кружевных юбок волнами ниспадали к её ногам, обутым в яркие сафьяновые туфельки. Все любили эту девочку, красивую, как бабочка, кроткую, как ягнёнок.

Однажды Ортолана взяла Клару и двух младших дочерей, Агнессу и Беатриче, в церковь Святого Петра, расположенную в другой части города. Они вышли в сопровождении свиты. У всех в руках были чётки для молитвы.

Только девочки шли с пустыми руками. Клара с завистью смотрела на чётки матери. Агнесса и Беатриче были ещё малы, чтобы им позволили держать эту святую вещь, но она...

– Мама, я тоже хочу чётки, – сказала она.

– Твоё время ещё придёт, – ответила Ортолана.

В церкви царила прохлада и полумрак. Женщины, преклонив колени, молились, а через приоткрытые двери внутрь храма пробивались солнечные лучи и будничные звуки: хриплые голоса сидящих на ступенях нищих, брань пьяного подмастерья, воркование голубей, грохот деревянных колес по мостовой и шум ветра. Но всё это отодвигалось куда-то далеко, становилось неважным, когда в алтаре раздавался звон колокольчика и с хоров лились звуки органа, торжественные, сильные, уносящие душу ввысь.

Клара смотрела на алтарь затуманенными от волнения глазами. Она неподвижно стояла до конца службы на коленях, сосредоточенная, очарованная.

Орган умолк, вернулись голоса мира. Все вышли из храма на залитую солнцем площадь и пошли, прячась от солнца в тени домов. Бродяги и нищие преграждали им путь, протягивая к ним заскорузлые, грязные руки, настойчиво хватая за подол платья, тряся лохматыми головами. Лица их выражали робость и отчаянную мольбу. Ортолана прижимала к себе Клару. Девочка почти теряла сознание при виде человеческого уродства и страдания. А ведь это была самая заурядная, повседневная картина. «Что же происходит с этим ребёнком, – с беспокойством и некоторым раздражением думала Ортолана. – Разве можно каждый день лишаться чувств по одной и той же причине?»

В палаццо стол был накрыт к ужину. На белой скатерти громоздились сыры, сдоба и фрукты. За столом сидело несколько человек.

– Где Клара? – спросила Ортолана, так как место девочки всё ещё пустовало.

– Я пойду позову её, – сказала одна из служанок. Не дожидаясь ответа, она встала и быстро вышла из столовой.

– Клара! Клара! – раздался ее голос в каменных стенах коридора.

Девочки не было в палаццо. Обеспокоенная женщина спустилась по ступенькам во двор, заглянула в помещение для прислуги, но и там её не оказалось. Почти бегом, запыхавшись, она вбежала в сад.

– Клара! – закричала она снова. – Ты здесь? – Но ответом был только шелест листьев оливковых деревьев и протяжный крик ласточки. Ветер подул сильнее, отогнув гибкие ветви жасмина, и за ними служанка увидела Клару. Предчувствуя что-то значительное, она тихо подошла поближе и увидела, что на земле, на старательно расчищенной от сорной травы клумбе, на коленях стояла Клара. Колени её упирались в рыхлую землю. Перед девочкой лежали камни, разложенные в форме чётков. Девочка молилась, положив ладонь на серый камень – бусину в чётках природы.

Служанка отпустила ветки жасмина. Они тотчас скрыли Клару зелёной таинственной завесой.

* * *

В ноябре 1202 года началась война между Ассизи и Перуджей. Войско Ассизи было побеждено и взято в плен. Все, кто мог, уходили из города. Пустели богатые палаццо на площади Святого Руфина. Голодные бездомные собаки со свалывшейся шерстью бродили у стен наполовину вымерших домов, одичавшие кошки кричали по ночам в заросших сорняками садах.

Серой холодной пустотой зияли окна обезлюдившего дворца господина Фавароне и его супруги Ортоланы. Семья Фавароне тоже переехала в Перуджу. На запряжённых лошадьми возах перевезли широкие кровати, расписные резные сундуки, лавки, столы и стулья, груды белья, скатертей и столовых приборов, даже цветы в горшках и медных кованых кувшинах.

Наконец, в крытую повозку уселись госпожа Ортолана с дочерьми и одна из служанок. Клара, десятилетняя девочка с красивым задумчивым лицом в ореоле длинных золотых волос, поместилась в уголке возле маленькой Беатриче. Отсюда она могла видеть окрестности. Когда лошади тронулись и площадь Святого Руфина осталась позади, Клара закусил губу, чтобы не расплакаться. «Только Бог и человек достойны слез. Ни одна вещь их не стоит», – подумала она и стала смотреть вперед.

Действительно, ей не о чем было плакать. В Перудже жили такие же люди, хотя они и враждовали с Ассизи, храмы были так же красивы, а улицы так же полны бездомных и нищих. Дома здесь были построены из того же материала, что и в Ассизи, в садах росли оливки и апельсины, на лугах вокруг города тополя, пинии и кипарисы устремляли ввысь стройные стволы. Но было нечто, что не давало Кларе покоя, занимало сердце и волновало мысли даже сильнее, чем несчастья войны: перуджийские нищие. Ей казалось, что, когда она подаёт им милостыню, они смотрят на неё иначе, чем нищие в Ассизи, впиваются в неё взглядами, полными страдания и непокорности, ненависти и сожаления одновременно. Она чувствовала на себе их горящие взгляды. Взволнованная, она думала, что ей сделать, как раскрыть им своё сердце, полное сочувствия. «Если бы они знали, как мне жаль их, они бы не смотрели так», – думала она. Иногда она просила Бенвенуту, свою ровесницу, жившую в том же доме, чтобы та передавала нищим милостыню.

– Почему ты отдаёшь нищим почти всё, что получаешь? – однажды спросила Бенвенута. Клара улыбнулась в ответ и быстро произнесла:

– Когда я счастлива, я должна делиться счастьем с тем, у кого его нет. А когда мне плохо, я чувствую себя равной с этими несчастными.

Бенвенута постоянно удивлялась Кларе, этому красивому и странному созданию, которому земное богатство, данное Богом, казалось, было в тягость.

В Перудже Клара подружилась ещё с одной девочкой. Это была Филиппа, дочь благородного господина Леонарда де Джислерио. Живая и разговорчивая, и вместе с тем умная и утончённая, Филиппа с радостью проводила время в обществе Клары и Бенвенуты. Дружба трёх девочек, начавшаяся во время войны и вражды, продолжалась до самой их смерти.

* * *

Перуджа и Ассизи заключили мир, несмотря на то что жители обоих городов были полны ненависти друг к другу. Семья господина Фавароне вернулась в Ассизи.

Двенадцатилетняя Клара, высокая красивая девочка, казавшаяся старше своего возраста, снова вернулась в свою комнату в палатку на площади Святого Руфина, снова проводила в маленьком садике время, свободное от чтения, письма и рукоделия. Её видели гуляющей по тропинкам, сосредоточенную, задумчивую, прислушивающуюся к только ею одной слышимым голосам, долетавшим из неизвестной дали, откуда-то из синевы неба или из глубины сердца, где всегда есть часть этой чистой синевы. И никто не смел мешать ей в эти минуты познания иного мира.

Клара молилась не только в саду, не только в храме или в домашней часовне. Ночью она вставала с постели, опускалась на колени или ложилась на пол, распростёршись крестом, и так, с раскинутыми руками, опираясь подбородком о твердый пол, проводила много времени, и слёзы, которые она не пыталась сдерживать, струились по её щекам. Она чувствовала себя тогда до боли счастливой и не представляла, что на земле можно испытывать большее блаженство.

Однажды ночью, как только она уснула, решив через некоторое время встать для молитвы, её разбудил шум. Не вполне ещё проснувшись, она села на кровати и стала по-детски тереть руками глаза. Она услышала крики, доносившиеся с площади перед домом. Откинув одеяло, Клара, шлепая босыми ногами по полу, подошла к окну. Отодвинув цветочный горшок, она выглянула наружу. Посреди площади в темноте она увидела несколько танцующих фигур.

– Эй, молодой Бернардоне, это опять ты? – крикнул мужчина из дома на противоположной стороне площади.

– Да, это опять я, господин Гуэльфуччо, – отозвался юношеский голос.

– Франциск, обращаюсь к тебе и твоей компании: уймись! Уже давно ночь!

– Хорошо, господин Гуэльфуччо, – ответил юноша. – Мы уже заканчиваем. Последний разок.

– В эту ночь, должно быть, последний. Ведь уже скоро рассвет! – господин Гуэльфуччо, пробормотав ещё несколько слов, скрылся в глубине комнаты.

Озорники, покружив по площади ещё немного, разошлись. Над Ассизи воцарилась тишина. Клара вздохнула, посмотрела на небо, искрящееся звёздами, и, вместо того чтобы вернуться в постель, встала на колени возле окна и начала свой обычный ночной разговор с Богом, скрытым завесой небосвода, яркосинего, словно Сам Создатель рассыпал там крупинки Своего сияния. И, молясь под огромным небесным сводом, в смирении и возвышенном порыве, она казалась себе пылинкой, которую добрые силы уносят куда-то за пределы видимого мира. По лицу её текли слёзы безмерного счастья, ибо картины, являвшиеся её душе, были самой красотой, хотя у них не было ни формы, ни цвета. За эти видения она была готова отдать всё на свете. Сама не зная когда, она полюбила Бога.

В 1206 году Клара совершила самое большое в своей жизни путешествие – паломничество в Святую Землю. Она отправилась туда с матерью, Пачификой де Гуэльфуччо и другими паломниками.

Из спокойной, расцветшей первыми весенними цветами Сполетанской долины, они двинулись в долгий и трудный путь. Сначала целыми днями шли по Италии, не обращая внимания на отекавшие, сбитые ноги, ибо боль была платой Всевышнему за распространявшуюся ересь альбигойцев и вальденсов, за толпы бедняков, проклинявших Церковь у богатых храмов и у ворот укрепленных цистерцианских монастырей. Эта боль была благодарностью за добро, которое правит миром, хотя могло показаться, что зла больше.

Паломники шли и пели хвалебные песни Богу, читали «Отче наш», перебирая подвешенные к поясам четки. А Клара, окрылённая надеждой вскоре прикоснуться к земле, по которой ступал Иисус, шла легко, как птичка, порхающая над землей.

Затем паломникам предстояло сесть на корабль. Он покачивался у берега, хлопая парусом, слабые волны бились о его борта, пахнувшие смолой, рыбой и водорослями. Внутри корабль был тесен, а путешествие предстояло долгое. Судно, величина которого в порту вызывала доверие, на бескрайних морских просторах казалось скорлупкой. Волны безжалостно швыряли его, а измученные люди на борту теряли сознание. Но когда погода была хорошей, они восхищались красотой воды, неба, солнца, луны и звёзд.

После многих дней плавания глазам ассизских паломников предстала узкая полоса земли на горизонте, размытая туманом, а может быть, слезами, которые выступили на глазах людей. Они упали на колени так, что доски палубы заскрипели, и благодарили Иисуса Христа за Его заботу о них во время пути к Его земной родине.

– У каждого где-то есть родина, уголок света, где ему назначено быть, клочок земли, отданный ему во владение на время его жизни, – сказала Ортолана скорее самой себе, чем стоявшей рядом дочери.

Когда корабль подходил к порту, удивительное чувство приближения к тайне куда-то исчезло. Не успели моряки пришвартоваться, как на берег высыпала толпа смуглых людей с горящими, как угли, блестящими глазами, крича и указывая на корзины фруктов, хлеба, сыра и всяческой снеди. Толстый мужчина тряс связкой кожаных сандалий, рядом с ним подросток размахивал прутом, увешанным змеиной кожей, дальше торговец с красивым лицом, пересечённым косым шрамом, разложил подушки, обтянутые тиснёной козьей кожей, искусно сплетённые из разноцветных кожаных полосок циновки, изящные медные кувшины, украшенные сложным узором кованые чарки, на которых солнечные лучи преломлялись, как на небольших морских волнах.

Родина Иисуса была знойной, гораздо более знойной, чем Италия. Земля, нагретая жаром, изливавшимся с неба, выпцветшего от зноя, казалось, пульсирует, как живое тело. Белые камни, которыми были усеяны тропки, дороги, поля и луга, затрудняли паломникам путь, причиняя боль уставшим ногам. Но даже по скалистой дороге с Елеонской горы в долину Кедрон, проходя вдоль Гефсиманского сада, многие двигались на коленях. Ведь по этой дороге много раз ходил Христос. Каждый камень здесь был освящен Его прикосновением, Его физическим присутствием.

Клара, оказавшись на этой узкой, покрытой камешками дороге, распростёрлась крестом, словно желая охватить руками, дотронуться губами, впитать всем телом и душой этот уголок Святой Земли.

Она чувствовала боль от прикосновения к пути Христа, но не хотела освободиться от этого ощущения, приводившего её в сверхъестественное волнение. От раскалённой земли шёл сильный, дурманящий запах сухих трав и пыли. Люди вокруг неё были погружены в молитвы и плакали в высоком порыве, который казался мизерным по сравнению с твердыней скал, но одновременно великим, значительным и мудрым, таким, который мог бы сокрушить самые твёрдые камни. Клара была необычайно счастлива.

Они посетили все места, где обычно бывали паломники. Вглядывались в стены домов на узких улочках Иерусалима, на которые когда-то смотрел Иисус. Были в цветущей Вифании, где стройная Магдалина, казалось, только что вошла в дом, услышав зов Лазаря. Взошли на гору Искусшений, вершину которой таинственным венцом окружали тучи, пили воду из колодца в Кане Галилейской, и вода эта казалась им лучше вина. В Капернауме они прислушивались к ветру, чтобы в его шуме различить голос Христа. Погружали руки в чистые воды Геннисаретского озера, бросали хлебные крошки рыбам святого Петра. Взобрались на гору Блаженств, поросшую оливковыми деревьями, откуда открывался величественный и прекрасный вид. Входили в холодные воды Иордана, который омывал их своим быстрым течением. Низко склоняли головы под сводом грота в Назарете и дрожали от волнения, словно почувствовав дуновение воздуха от легких крыльев ангела. В Вифлееме они с благоговением брали в ладони тёплую,

мягкую землю и целовали её. Они побывали и на вершине горы Фавор, где каждый из них пожелал измениться к лучшему, хотя это и так происходило с ними каждый день, пусть и не очень заметно.

Приближалась пора дождей, когда паломники из Ассизи двинулись в обратный путь. В порту возле набережной качался лес мачт, плескалась вода, волны бились о борта тесно сгрудившихся кораблей. Блеяли овцы и козы, которых в качестве «живой пищи» стадами гнали к вместительным судам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.